

5.11.2. Историческая теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-69-82

А. Н. Юзеев

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань

БИГИ — ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ МАРДЖАНИ

ЮЗЕЕВ Айдар Нилович —

зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин РГУП, д-р филос. наук, профессор.
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
(420088, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, 2-я Азинская ул., д. 7а).
E-mail: youzeev@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье автор показывает преемственную связь между двумя выдающимися татарскими мыслителями разных поколений — Ш. Марджани и М. Биги, обнаруживая сходство их взглядов по меньшей мере в двух аспектах. Первый касается концепции «всеобщности Божественной милости». Ш. Марджани в «Книге о зрелой мудрости, помогающей объяснить вероучение ханафитов» приводит аргументы, согласно которым решение по этому вопросу остается за Всевышним. М. Биги в «Доказательствах Божественной милости» утверждает неизбежность спасения всех народов мира. Второй аспект, позволяющий говорить о М. Биги как о последователе Ш. Марджани, — это в основном идентичные позиции ученых в вопросе об акиде, каламе и иджтихаде. Несмотря на то, что время их активного творчества отделяет период более чем в пятьдесят лет, взгляды М. Биги и Ш. Марджани относительно религиозно-философского понимания этой проблемы обнаруживают очевидное сходство: для прогресса татарской нации, ислама необходимо «очищение» акиды от каламских наслоений, вынесение иджтихада на основе первоисточников — Корана, Сунны и иджмы, в мусульманском образовании нужна замена калама светскими науками.

Ключевые слова: преемственность религиозно-философских взглядов, всеобщность Божественной милости, акида, калам и иджитihad.

Для цитирования: Юзеев А. Н. Биги — продолжатель религиозно-философских идей Марджани // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 3: 69–82;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-69-82

Статья поступила в редакцию: 05.04.2023

Статья принята к публикации: 15.08.2023

Если говорить о религиозно-философских взглядах Шихабутдина Марджани (1818–1889), то в основном они изложены в таких трудах ученого, как *Китаб ал-хикма ал-балига ал-джанийя фи шарх ал-акаид ал-ханафийя* («Книга о зрелой мудрости, помогающей объяснить вероучение ханафитов»)¹, изданная в Казани в 1888 году, хотя в конце сочинения автор замечает, что завершил работу в 1273/1856/57 годах; *Китаб ал-азб ал-фурат ва-л-ма аз-зулал ан-накиа ли-гилла равам ал-абраз ли-асрар шарх ал-Джалал* («Книга о пресной освежающей ключевой воде, объясняющей тайны комментария ал-Джалал»)², изданная, по свидетельству Ш. Марджани, в Стамбуле в 1875 году³; *Хакк ал-байан ва-т-тасвир ли-масала худус алам ал-амр ва-т-такдир* («Истина, объясняющая и описывающая вопрос возникновения мира (Божественного) повеления и предопределения»)⁴ и *Рисала би-т-тарика ал-мусли ва-л-акида ал-хусна* («Трактат достойным подражания путем и наилучшим убеждением»)⁵, опубликованный уже после смерти автора в 1890 году. Что касается религиозно-философских идей другого выдающегося татарского богослова — Мусы Биги (1873–1949), то с ними он знакомит читателя в различных сочинениях, посвященных тем или иным вопросам мусульманской общественно-философской мысли. Среди таких сочинений, вызвавших неоднозначную реакцию в татарском обществе, выделяются *Рахмат илахийа борханнары* («Доказательства Божественной милости») (Оренбург, 1911) и *Ислам миллэтлэренэ дини*,

¹ Марджани Ш. *Китаб ал-хикма ал-балига ал-джанийя фи шарх ал-‘акаид ал-ханафийя*. Казань, 1888.

² Марджани Ш. *Китаб ал-азб ал-фурат ва-л-ма аз-зулал ан-накиа ли-гилла равам ал-абраз ли-асрар шарх ал-Джалал*. Т. 1, 2. Стамбул, 1900–1901. Самостоятельное сочинение, изданное как примечания [хашийа] на полях книги *Хашийа ал-фадил Исмаил ал-Каланбави ала ал-Джалал*.

³ Марджани Ш. *Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар*. Т. 2. Казан, 1900. Б. 52.

⁴ Марджани Ш. *Хакк ал-байан ва-т-тасвир ли-масала худус алам ал-амр ва-т-такдир*. Самостоятельное сочинение, изданное как приложение к книге Марджани Ш. *Китаб ал-барк ал-ваמיד фи-р-радд ала-л-багид ал-мусамма би-н-накид*. Казань, 1888. С. 65–71.

⁵ Марджани Ш. *Рисала би-т-тарика ал-мусли ва-л-акида ал-хусна*. Казань, 1890.

эдэби, сиясе мэсэлэлэр, тадбирлэр хахында («Мусульманским народам о религиозных, нравственных, политических проблемах и установлениях») (Берлин, 1923), известное как «Азбука ислама».

Содержание этих трудов позволяет считать М. Биги последователем религиозно-философских идей Ш. Марджани по крайней мере в двух аспектах — в исследовании проблемы о всеобщности Божественной милости и в решении вопроса об акиде, каламе и иджитхаде, получивших у того и другого авторов сходную трактовку. Как известно, концепцию о всеобщности Божественной милости или толерантности, которую сформулировал в своем сочинении *Рахмат илахийа борханнары* («Доказательства Божественной милости») Биги, до него разрабатывали многие арабо-мусульманские философы, среди них Ибн Сина (ум. 1037), ал-Маарри (ум. 1057), Ибн ал-Араби (ум. 1240), Ибн Таймийа (ум. 1328), Ибн Кайим ал-Джаузийа (ум. 1350), Джамаладдин ал-Афгани (ум. 1897), Мухаммад Абдо (ум. 1905), Мухаммад Икбал (ум. 1938).

В татарской религиозной философии идеи о проблеме наказания за грехи впервые в иносказательной форме высказал Ш. Марджани¹, который упомянул о суждениях Ибн ал-Араби², что Ад вечен, но муки его могут иметь и конец, а понятие хулуд (бесконечность) можно трактовать по-разному (продолжительность периода) и это зависит от желания Аллаха³. Марджани выступил против аргумента хариджитов и мутазилитов, которые обрекают на вечное мучение грешников-мусульман, поскольку в Коране и Сунне говорится о вечной для них каре со ссылкой на айаты, по которым Божественное обещание не нарушится, а исполнится.

В *Китаб ал-хикма ал-балига* («Книге о зрелой мудрости») Шихаб-хазрат приводит аргументы и в пользу того, что обещание наказания грешников-мусульман будет длиться вечно, и в пользу того, что оно не вечно. В первом случае «нарушение обещания невозможно из-за слов Всевышнего: *«Мое Слово неизменно...»* (Коран, 50: 29)... А слова Его: *«...Я не поступаю несправедливо с рабами»* (Коран, 50: 29) — доказательство того, что противоположно этому (вышесказанному)»⁴. То есть Марджани приводит два подхода, ссылаясь на один аят суры Корана, когда обещание Всевышнего исполнится или нарушится. Татарский теолог цитирует Малика б. Анаса⁵ в отношении угрозы допустимости нарушения обещания (ваид), который ссылается на слова Пророка:

¹ Марджани Ш. *Китаб ал-хикма ал-балига ал-джания фи шарх ал-акаид ал-ханафия*. Казань, 1888.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же.

⁵ Малик б. Анас (708/715–795) — основатель маликитского мазхаба, одной из четырех религиозно-правовых школ, общепризнанных в суннизме.

«Если Бог обещал кому-либо награду за его деяния, то Он непременно исполнит это, но поскольку он угрожал кому-либо карой за деяние его, то в отношении такого за Богом остается выбор [наказать или помиловать]... Благородному (карим) следует оставлять на Свое усмотрение [исполнение или не исполнение] Своей угрозы, даже, если об этом Он не заявляет открыто!»¹ Следовательно, согласно Марджани, решение по этому вопросу остается за Всевышним. Откуда делается вывод: поскольку Он великодушен, постольку на Его милость вправе рассчитывать и грешники из числа других конфессий.

Муса Биги в своем сочинении *Рахмат илахия борханнары* («Доказательства Божественной милости») писал о концепции «всеобщности Божественной милости», что она является главной истиной, чтобы стать основой для будущей жизни человечества, движущегося по пути достижения счастья². По его мнению, при подтверждении концепции всеобщности Божественной милости роль ислама среди других религий возрастет и еще более усилится его ценность. При этом доказательства будут основаны на Коране и Сунне, а не на страхе перед вратами ада³.

Биги разделил книгу на семь частей. Первая часть посвящена истории религий, остальные — доказательствам всеобщности Божественной милости и приверженности автора этой идее. В первой части он писал о сущности религии, полагая, что «религия в духовной жизни человека есть мерило его прогресса; религиозный дух в человеческой жизни есть самая важная и влиятельная духовная составляющая», таким образом связывая религию с уровнем цивилизованности человеческого общества.

Муса Джарулла пишет о важности предмета «история религий» для своего времени, поскольку о совершенстве ислама как Небесной религии, его истинности, преимуществах в сравнении с другими Небесными религиями, недостатках последних можно говорить, лишь зная основы и мировоззренческие установки других религий. Поэтому он полагает, что необходимо изучать этот предмет, хотя бы краткий его курс, в мусульманских медресе⁴.

Он подчеркивает, что нужно рассмотреть, как возникли религии, проследить их эволюцию, при этом беспристрастно, объективно, отрешившись от субъективизма, показать их историю развития — как периоды, связанные с прогрессом, так и время застоя, регресса.

«Мы, конечно, изо всех сил будем избегать, — пишет татарский реформатор, — обвинения в вероотступничестве (*такфир*) и заблуждении какого-либо народа за его вероисповедание или убеждение.

¹ Марджани Ш. Китаб ал-хикма ал-балига ал-джания фи шарх ал-акаид ал-ханафия. С. 66.

² Биги М. Рахмат илахия борханнары. Оренбург, 1911. Б.11.

³ Там же. Б. 40.

⁴ Там же. Б. 3–5.

Если мы будем смотреть на все религии как на звенья развития одной религии, то мы не будем обвинять другой народ в вероотступничестве или враждебно относиться к нему за его приверженность своей религии... Если мы говорим об истории религии, то, следуя этическим нормам, естественно, отстраняемся от употребления таких выражений, как истинность одной религии, ложность других»¹.

Муса Джарулла приводил имена Абу Йазида Бистами (ум. 875), ал-Джунайда ал-Багдади (ум. 909/910), Зу-н-Нуна ал-Мисри (ум. 859/862) — великих суфиев, почитаемых во всем мусульманском мире, кто утверждал, что в Судный день спасется все человечество. Он полагал, что, если такие великие мыслители говорили о спасении всего человечества, то он лишь следует их разумным утверждениям.

«Для того чтобы вести речь об истории религий и строить хорошие отношения с каждым человеком в обществе, — утверждал Биги, — конечно, необходимо всем людям верить во всеобщность Божественной милости и спасение в Судный день»².

Во второй части книги «Моя вера во всеобщность Божественной милости» Муса Джарулла останавливается на вопросах Вечности, критике калама, преимуществах ислама перед другими Небесными религиями.

Муса Джарулла признается: «поскольку концепция “всеобщности Божественной милости”, сотворенная для постоянного движения к счастью, есть главная истина, которая может стать основой будущей жизни человечества, постольку эта теория так соответствующая духу ислама, с давнего времени привлекла мое желание и внимание»³. Он утверждает, что эта концепция является самой актуальной для его времени: «Среди научных теорий, по моему мнению, самой важной, требующей доказательства, является концепция “всеобщности Божественной милости”»⁴.

Муса Джарулла задается вопросом: «Если человек, совершенно лишенный счастья и благополучия в дольней жизни, которая по отношению к последующей вечности является лишь кратким мигом, обречен на вечные муки в горней жизни, то какую же цель мог преследовать Господин миров, Аллах, сотворяя таких жалких и ничтожных людей?» И дает ответ, облакая его в форму вопроса: «Если Он намерен обречь большинство людей на вечные муки, то не окажется ли Божественная милость Всевышнего Аллаха ничем, по сравнению с Его Божественным гневом?»⁵

¹ Биги М. Инсанларнын акыйда илахияларына бер назар. Оренбург, 1911. Б. 6; Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 6–7.

² Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 8–9.

³ Там же. Б. 11.

⁴ Там же. Б. 12.

⁵ Там же.

Биги полагает, что если бы математики, имеющие дело с бесконечностью пространства, обратили внимание на проблему Божественной милости, не имеющую предела, то она была бы уже давно решена.

Сам он не сразу пришел к решению этой проблемы. Сначала искал ответа у мутакаллимов, надеясь в их книгах найти толкования и комментарии к Корану, касающиеся всеобщности Божественной милости, а также в книгах ал-Газали *Ихйа улум ад-дин* («Воскрешение наук о вере») и *Иктисад фи-л-итикад* («Краткое изложение вероучения»). Но не нашел в них ответа. Затем он обратился к книгам, написанным суфиями: *Месневи-йа манави* («Поэма о скрытом смысле») Джалаладдина Руми, *Рисала* («Послание») ал-Кушайри и *Футухат маккийя* («Мекканские откровения») Ибн ал-Араби, которые «дали ... по этой проблеме много полезной информации»¹. Так, Джалаладдин Руми в своих *Месневи* приводит бейты о всеобщности Божественной милости, и их цитирует Биги². Также Муса Джарулла приводит цитаты о всеобщности Божественной милости из *Футухат маккийя* («Мекканские Откровения») Ибн ал-Араби о том, что мучения в горнем мире когда-нибудь прекратятся³.

Однако главным на пути толкования концепции всеобщности Божественной милости для Биги оказался Коран, пятый аят суры «Шура» («Совет») которого он цитирует:

«Небеса готовы разверзнуться над ними, а ангелы возносят хвалу своего Господа и просят прощения тем, кто на земле. О, да! Ведь Аллах — прощающий, милостивый!»⁴

Именно Коран привел Биги к вере в то, что в будущем будет спасено все человечество.

При изложении концепции всеобщности Божественной милости главной целью для Мусы Джаруллы было доказать величие ислама: «Я знаю, что если мои идеи подтвердятся, то это станет еще одним украшением ислама, еще более возрастут его величие и ценность среди других религий. Исламская вера очистится от тщеславных высказываний подобных тому, что “только я буду спасен”. Истина ислама будет утверждена не страхом перед Адом, а доказательствами Божественного установления, изложенными в благородном Коране»⁵.

По мнению Биги, ислам имеет ряд преимуществ перед другими Небесными религиями. И он их перечисляет: «Ислам относится с большим уважением к каждой национальной религии, ее законам и великим людям. Ислам не претендует, как претендуют евреи, на то, что власть

¹ Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 16.

² Там же. Б. 17.

³ Там же. Б. 17–18.

⁴ Коран /пер. И. Ю. Крачковского. М., 1986. С. 395 [Коран, 42: 5].

⁵ Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 40.

и пророчество принадлежат только ему; не заявляет, как то делают христиане, что все люди и даже пророки, жившие со времени Адама, мир ему, до вознесения Иисуса, мир ему, находились в Аду». Учение ислама не оскорбляет религиозные чувства других народов, их пророков и великих людей¹. Следовательно, ислам, согласно Биги, стал всеобъемлющим учением как всеобщность Божественной милости. Однако в силу социально-политических условий, невежества многих мусульман, провозгласивших лозунг: «Веруй так, как верует такой-то, иначе сгоришь в Аду!» — ислам извратили и превратили в орудие достижения своих прихотей. В такой обстановке, по мнению Биги, его главная задача — показать отношение ислама к будущей жизни всего человечества².

Другим преимуществом ислама перед Небесными религиями, по Биги, является вера в то, что учение о всеобщности Божественной милости дает возможность спасения в будущем всему человечеству. Надо только сделать так, чтобы эта концепция стала одной из основ учения ислама. Для этой цели он приводит очевидные доказательства и аргументы³.

Завершая изложение своих взглядов относительно всеобщности Божественной милости, Биги пишет: «Я еще раз взглянул на поднятую мной проблему. И увидел: она заключается в возвеличивании и восхвалении самыми достойными эпитетами Господина миров, Аллаха Всевышнего, приумножении как самого великого блага бесконечных достоинств ислама, изменении или устранении убеждения, которое с давнего времени вело человеческий мир к гибели и являлось причиной всех бедствий, обрушившихся на головы людей. Если проблема заключается именно в этом, то я готов отдать ради убеждения душу и всего себя. Если же я на самом деле ошибался, то за мое убеждение Благородный Господь в Судный день меня и тех, кто последовал за моим убеждением, естественно, не подвергнет наказанию. По крайней мере, я надеюсь на это»⁴.

Эту концепцию, по мнению Биги, необходимо возродить, поскольку она свидетельствует о неизбежности спасения всех народов мира. При этом он толерантно относился ко всем вероисповеданиям, рассматривая все религии в одной цепи развития, уважая каждую религию и народ, ее исповедующий, не обвиняя его в вероотступничестве только потому, что он исповедует свою религию. Особенно это было важно для мусульманских народов России, поскольку традиционалисты часто прибегали к практике такфира — обвинения в неверии, подозревая не только

¹ Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 22.

² Там же. Б. 23–24.

³ Там же. Б. 26–27.

⁴ Там же. Б. 87.

мусульман в малейшем отклонении от религии, буквы Корана, но и другие народы, религии, попадающие под лучину такфира¹. Таким образом, Муса Джарулла ставил ислам в один ряд с другими религиями, уважая иные вероисповедания, и считал, что к величию ислама каждый должен прийти сам.

Второй аспект, позволяющий говорить о М. Биги как о преемнике Ш. Марджани, — это сходная позиция обоих ученых в понимании вопроса об акиде, каламе и иджтихаде. Марджани в своем религиозно-философском сочинении *Китаб ал-хикма ал-джанийа фи шарх ал-акаид ал-ханафийа* («Книга о зрелой мудрости, помогающей объяснить вероучение ханафитов») комментировал *Акаид* («Догматику») среднеазиатского теолога-суннита Надждаддина ан-Насафи (ум. 1142), трактат которого стал одним из символов ханафитского мазхаба, критикуя при этом комментарий мутакаллима ат-Тафтазани (ум. 1390) на тот же *Акаид*. По мнению Марджани, основные положения вероучения ханафитов в *Акаид* ан-Насафи были неверно восприняты и неправильно комментированы ат-Тафтазани, и таким образом калам — спекулятивная теология — стал объектом повышенного внимания в татарских медресе. В своем медресе Марджани заменил калам акидой и светскими дисциплинами (ввел занятия по математике, географии, астрономии)².

Главное, за что Марджани подвергает критике калам и мутакаллимов, — это то, что они привнесли новое в догматику религии, а именно, философские рассуждения, которые искажают понятие Бога в глазах народа, поскольку догматика не нуждается в философских суждениях³. Сам того не замечая, критикуя калам, Марджани встает на путь спекулятивного теолога, излагая собственную интерпретацию вероучения, в которой якобы нет места философским суждениям. Но это не так. При пристальном внимании к тексту становится очевидным, что Ш. Марджани использует религиозную философию для обоснования догматики, таким образом «очищая» ее от калама.

Почти то же утверждал Биги в своем программном произведении «Азбука ислама». Как либеральный теолог, он выступал за совмещение знания Корана, Сунны Пророка, всего лучшего из правовых школ с современным знанием, отрицательно относился к изучению калама в медресе. Биги критикует методы преподавания в российских медресе, основанные на каламе, так популярные среди шакирдов: «Я, если пожелает Аллах, хотя бы прилагаю усилия для очищения сердец и умов российских учащих-мусульман от каламических споров. Я, если пожелает

¹ Биги М. Инсанларнын акыйда илахияларына бер назар. Б. 6; Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 7.

² Фәхретдинов Р. Хосәен Фәезхан // Шура. № 18. 1914. Б. 428.

³ Там же. С. 7.

Аллах, пояснил, почему главы таких школ, как имам Азам [Абу Ханифа], имам Малик, имам Абу Йусуф так критиковали учение калама. Если я смогу хоть немного выправить веру шакирдов медресе, то буду считать свою миссию выполненной»¹.

Он, как и Марджани, полагал что акида (догматика), основанная на Коране и Сунне, должна быть «очищена» от комментариев и суб-комментариев мутакаллимов. В медресе должны изучаться не только традиционные, но и светские науки — основа прогресса татарского общества первой четверти XX века. Для того чтобы мусульмане стояли в одном ряду с прогрессивными народами мира, считал Биги, необходимо овладеть современными знаниями западной цивилизации, совместив их с новым нравственным толкованием ислама, его догматики.

Об иджитхаде Ш. Марджани писал во многих сочинениях, среди которых *Назурат ал-хакк фи фардийа ал-аша ва ан лам йагиб аш-шафак* («Обозрение истины относительно обязательности вечерней молитвы, когда не наступают сумерки») и *Мукаддима* («Введение»). Татарский теолог призывал мусульман к очищению акиды от новшеств калама, возврату к Корану, Сунне Пророка, а в том случае, когда не находится ответа в первоисточниках, — обратиться к иджитхаду. Особенно, полагает Марджани, это касается культовых религиозных действий [ибадат], в которых следует руководствоваться Законом и черпать сведения из Корана, Сунны Посланника, иджмы [консенсуса] общины. А если нет в этих источниках прямого ответа, то по этому поводу необходимо вынесение иджитхада².

Для Марджани главные авторитеты, разумеется, — Коран, Сунна, иджма, кийас, слова и дела первых муджтахидов. К этим источникам он обращался в первую очередь. Но если в них не находилось аналогий, то он предлагал выносить иджитхад самостоятельно, согласно уровню имеющихся знаний. «Местоположение иджитхада — это то, что не доказано ни в Коране, ни в достоверной, известной, знаменитой Сунне, то, о чем нет достоверного, знаменитого, известного иджма... А суть дела в иджитхаде, несмотря на множество его определений, состоит в том, что он — дар могущественный, сила благородная, вытекающая из выполнения суждений Корана и записанного в Сунне, в которых [Коране и Сунне] дается возможность для полной осведомленности [факиху] в религиозных суждениях и тайнах веры»... «А таклид — следование иное: слову или действию без доказательства и указанию, предпочитающему оставить его, чем следовать ему»³.

¹ Биги М. Рахмат илахия борханнары. Б. 79.

² Марджани Ш. Назурат ал-хакк фи фардийа ал-аша ва ан лам йагиб аш-шафак. Казань, 1870. С. 15.

³ Там же. С. 15.

В книге *Мукаддима* («Введение») Марджани писал об обновлении (*таджид*) духовной жизни мусульман, которое начинается в VII веке с правления Омара б. Абд ал-Азиза, длится на протяжении веков и происходит в фикхе, хадисах, тафсире, языке, основах религии и философии. А в качестве доказательства своего тезиса об обновлении религии Марджани приводит хадис: «Из слов Пророка — да благословит его Аллах и да приветствует — следует, что Аллах посылает общине мусульман в начале каждого века того, кто обновляет ей веру»¹.

Марджани приводит имена наиболее известных, по его мнению, личностей, внесших наибольший вклад в эволюционное развитие общества. Например, в XV–XVI веках он выделяет среди ханафитов — Абу-л-Лайс Мухаммад б. Мухаммад б. Ахмад ал-Макки Гийасаддина, из шафиитов — Абу Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад б. Абишариф ал-Кудси Камаладдина, из чтецов Корана — Шамсаддин Абу-л-Хайр Мухаммада б. Абдаррахман б. Мухаммад ал-Мисри аш-шафии ал-хафиза, известного как ас-Сахави², из хадисоведов — Джалаладдин Абу-л-Фадл Абдаррахман б. Абу Бакр б. Мухаммад б. Сабик ал-Мисри ас-Суйути аш-шафии³, из суфиев — Абу-л-Хасан Али б. Маймун ал-Магриби ад-Андалуси ал-Малаки, среди философов — Джалладдин Мухаммад б. Асад ад-Даввани аш-шафии⁴. Выделяя наиболее видных ученых-теологов каждого столетия, специалистов в различных областях духовной культуры, Марджани утверждал преемственность концепции «открытия дверей иджитхада» (начиная с VII по XIX век). В суннитском исламе после XII века, делал он вывод, «двери иджитхада не закрывались».

Спустя пятьдесят лет в том же духе об иджитхаде писал Муса Биги, отмечая, что мусульманская община обладает полным правом на вынесение иджитхада и тем самым вершит законотворчество в сфере шариата. Муса Джарулла полагал, что такие основоположения фикха, как Коран, Сунна, иджма и кийас должны быть переосмыслены с точки зрения их современной общественной значимости и нужд людей. Он утверждал, что каждый мусульманин может выносить иджитхад, высказывать свое суждение по тому или иному общественно-правовому вопросу, но при

¹ Марджани Ш. Мукаддима. Казань, 1883. С. 286–287.

² Шамсаддин Мухаммад б. Абдаррахман ас-Сахави (1428–1497) – египтянин, мусульманский историк, теолог и хадисовед

³ Джалаладдин Абу Бакр Абдаррахман б. Аби Бакр ас-Суйути (1445–1505) — египтянин, исламский теолог, один из наиболее плодотворных арабо-мусульманских авторов, биографы которого приводят около 600 наименований его сочинений. Самыми популярными являются *Тафсир ал-Джалалайн* — комментарий к Корану за авторством «двух Джалалов» (Джалалайн): Джалаладдина ал-Махалли (ум. 1460) и Джалаладдина ас-Суйути, а также *Ал-Иткан фи улум ал-Куран* («Совершенство в коранических науках»).

⁴ Джалаладдин Мухаммад ад-Даввани (1426/27–1502) — этнический перс, мусульманский теолог, представитель периода конвергенции фалсафы и калама, автор трудов по каламу, суфизму на арабском и персидском языках. Марджани написал *Хашийа на хашийа ал-Каланбави* (ум. 1790/1791) на *Шарх ад-Даввани* к «Акаид» Адуддина ал-Иджи (ум. 1355).

⁵ Марджани Ш. Мукаддима. С. 292.

этом должен знать Коран, Сунну и арабский язык, как филологи Халил и Сибавайх¹ (то есть предполагается знание арабского языка на высоком уровне); и при вынесении иджитхада следует соотносить то или иное решение с обстоятельствами изменения общественной жизни². Подобные оценки действительности, согласно его взглядам, не должны стать непреложным законом для исполнения — это только теоретическая основа, поскольку право законотворчества должно быть предоставлено только участникам иджмы, на усмотрение общественного органа, компетентному консенсусу знатоков права³. Следовательно, Биги считает, что вынесение иджитхада по вопросам общественно-правовой жизни мусульман должно иметь место только после утверждения участников иджмы.

Таким образом, несмотря на то, что время активного творчества М. Биги и Ш. Марджани отделяет период более чем в пятьдесят лет, взгляды этих татарских мыслителей относительно религиозно-философского понимания по меньшей мере двух проблем — о всеобщности Божественной милости и об акиде, каламе и иджитхаде — обнаруживают очевидное сходство. Марджани предложил свой путь развития татарской нации и ислама во второй половине XIX века, почти то же самое утверждал в первой четверти XX века Биги: для прогресса татарской нации, ислама необходимо толерантное отношение ко всем народам мира, «очищение» акиды от каламских наслоений, вынесение иджитхада на основе первоисточников — Корана, Сунны и иджмы, в мусульманском образовании — замена калама светскими науками и вынесение иджитхада на основе первоисточников — Корана, Сунны и иджмы.

Литература

Марджани Ш. Китаб ал-хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-‘акаид ал-ханафиййа. Казань: Типография Вячеслава, 1888. 168 с.

Марджани Ш. Китаб ал-азб ал-фурат ва-л-ма аз-зулал ан-накиа ли-гилла равам ал-абраз ли-асрар шарх ал-Джалал. Т. 1, 2. Стамбул, 1900–1901. Самостоятельное сочинение, изданное как примечания [хашийа] на полях книги «Хашийа ал-фадил Исмаил ал-Каланбави ала ал-Джалал. Т. 1. Стамбул: Дар ат-тиба ал-амира, 1900. 301 с. Т. 2. 296 с.

Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. Т. 2. Казан: Тип. Б. Л. Домбровского, 1900. 368 б.

¹ Биги М. Мулахазы. Казан, 1914. Б.24.

² Биги М. Каваид фикхия. Казан, 1910. Б. 2–5, 111.

³ Биги М. Ислам милләтләренә дини, әдәби, сиясе мәсәләләр, тадбирләр хакында. Берлин, 1923. С. 55.

Марджани Ш. Хакк ал-байан ва-т-тасвир ли-масала худус алам ал-амр ва-т-тақдир. Самостоятельное сочинение, изданное как приложение к книге Марджани Ш. Китаб ал-барк ал-вамид фи-р-радд ала-л-багид ал-мусамма би-н-накид. Казань: Типография Вячеслава, 1888. С. 65–71.

Марджани Ш. Рисала би-т-тарики ал-мусли ва-л-ақида ал-хусна. Казань: Тип. М. Чирковой, 1890. 15 с.

Биги М. Рахмат илахийа борханнары. Оренбург, 1911. 97 б.

Биги М. Инсанларнын акыйда илахияларына бер назар. Оренбург, 1911. 25 б.

Коран /пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1986. С. 395 [Коран, 42: 5].

Фәхретдинов Р. Хосәен Фәезхан // Шура. № 18. 1914. Б. 428.

Марджани Ш. Назурат ал-хакк фи фардийа ал-аша ва ан лам йагиб аш-шафак. Казань: типография университета, 1870. 164 с.

Марджани Ш. Мукаддима. Казань: Тип. Г. М. Вячеслава, 1883. 411 с.

Биги М. Мулахазы. Казан, 1914. 56 б.

Биги М. Каваид фикхийа. Казан, 1910. 232 б.

Биги М. Ислам милләтләренә дини, әдәби, сиясе мәсәләләр, тад-бирләр хакында. Берлин, 1923. 110 б.

References

Marjani Sh. (1888). *Kitab al-hikma al-baligha al-janniyyā fi sharh al-‘aqa’id al-hanafiyyāh* [The Book of Mature Philosophy that Helps to Explain the Dogmas of the Hanafis]. Kazan: Vyacheslav tipografiyase. 168 p.

Marjani Sh. (1900). *Kitab al-‘adhb al-furat va-l-ma’ al-zulal al-naqiyyāh li-gilla rawam al-abraz li-asrar sharh al-Jalal* [The Book about Fresh, Refreshing, Spring Water, Explaining the Secrets of al-Jalal’s commentary]. *Glosses [Hashiya] on the margins of the book: Hashiya al-fadil Ismail al-Kalanbawi ‘ala al-Jalal*. Vol. 1. Istanbul: Dar at-tiba‘ al-amira. 301 p. Vol. 2. 296 p.

Marjani Sh. (1900). *Mustafad al-ahbar fi ahwal Kazan va Bulgar* [A Storehouse of Information about the Affairs of Kazan and Bulgar]. Vol. 2. Kazan: B. L. Dombrovskiy tip. 368 p.

Marjani Sh. (1888). *Haqq al-bayan va-t-taswir li-masala huduth alam al-amr va-t-taqdir* [True Explanation and Presentation of the Question of the Temporal Beginning of the World]. Appendix to the book: *Kitab al-barq al-wamid fi-l-radd ‘ala-l-bahid al-musamma bi-l-naqid*. Kazan: Vyacheslav tipografiyase. Pp. 65–71.

Marjani Sh. (1890). *Risala bi-l-tariqa al-musla va-l-‘aqida al-husna* [A Treatise Worthy of Imitation in the Way and the Best Conviction]. Kazan: M. Chirkovoy tipografiyase. 15 p.

Bigi M. (1911). *Rahmat ilahiya borhannari* [Proofs of Divine Mercy]. Orenburg. 97 p.

Bigi M. (1911). *Insanlarnin 'aqida ilahiyalarina ber nazar* [A Look at People's Belief in the Deity]. Orenburg. 25 p.

The Qur'an (1986). Moscow.

Fahraddin R. (1914). Husaen Faizhan. *Shura*. No. 18. P. 428.

Marjani Sh. (1870). *Nazurat al-haqq fi fardiyat al-'asha' va an lam yaghib al-shafaq* [Overview of Truth Regarding the Obligation of Evening Prayer, When Twilight Does Not Come]. Kazan: Tipografiya universiteta. 164 p.

Marjani Sh. (1883). *Muqaddima* [An Introduction]. Kazan: Vyacheslav tipografiyase. 411 p. (in Arabic).

Bigi M. (1914). *Mulahadha*. Kazan. 56 p.

Bigi M. (1910). *Qava'id fiqhiyyāh*. 232 p.

Bigi M. (1923). *Islam millatlarina dini, adabi, siyasi masalalar, tadbirlar haqqinda* [To Muslim Peoples about Religious, Moral, Political Problems and Institutions]. Berlin. 110 p.

BIGI AS MARJANI'S FOLLOWER

Abstract. The paper deals with two aspects of continuity of religious and philosophical views of the Tatar thinkers Sh. Marjani and M. Bigi. The first is about the universality of divine grace. Marjani, in his “Book on Mature Wisdom that Helps to Explain the Hanafi Creed», gave arguments according to which the decision on this issue remains with the Almighty. Bigi in the “Proofs of Divine Mercy” asserted the inevitability of salvation for all the peoples of the world. The second aspect is about ‘*aqida*, *kalam* and *ijtihad*. Despite the more than fifty-year difference in the time of the publication of their views by two Tatar thinkers, they are basically identical: for the progress of the Tatar nation, Islam requires the “purification” of ‘*aqida* from *Kalam* layers, in Muslim education — the replacement of *Kalam* with secular sciences and the adoption of *ijtihad* based on primary sources — the Qur’an, Sunnah and *ijma*’.

Keywords: continuity of religious and philosophical views, universality of divine mercy, ‘*aqida*, *kalam* and *ijtihad*.

Aidar N. YUZEEV,

Dr. Sci. (Philos.), professor; head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kazan branch of Russian State University of Justice
(7a, 2 Azinskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420088, Russian Federation).
E-mail: youzeev@yandex.ru

